

ПОГРАНИЧНЫЙ КОНФЛИКТ НА О. ДАМАНСКОМ 1969 г.: ОБРАЗ СОБЫТИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ

В статье рассматривается информационное освещение в советских газетах пограничного конфликта на о. Даманском в 1969 г. Представлены основные темы, жанры, проблемные вопросы, которые по разным причинам не освещались в прессе. На основе анализа газетных материалов определяются ключевые аспекты политики советского руководства в отношении Китая в конце 1960-х гг. Отдельно рассматривается проблема восприятия информации о конфликте советскими гражданами, их реакция на газетные публикации, на основе архивных материалов реконструируются общественные настроения в период конфликта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советско-китайский конфликт, о. Даманский, советская пресса, внешняя политика СССР, общественные настроения.

История советско-китайских отношений второй половины XX в. весьма противоречива. В 1950-е гг. Китай считался одним из ключевых союзников СССР в социалистическом лагере, активно развивалось экономическое сотрудничество между двумя странами. Однако уже в период правления Н. С. Хрущева отношения стали ухудшаться. Пиком противостояния СССР и Китайской Народной Республики (КНР) считается 1969 г., озаглавленный чередой вооруженных пограничных столкновений. Самыми известными из них являются бои 2 и 14–15 марта 1969 г. в районе о. Даманский на р. Уссури.

В данной статье будет рассмотрен такой компонент любого межгосударственного конфликта, как его информационное освещение. Источниковой базой стали крупнейшие советские центральные издания («Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», «Советская Россия», «Литературная газета» и др.); региональные и городские издания Свердловской области («Уральский рабочий», «На смену!», «Вечерний Свердловск», «Тагильский рабочий» и др.).

Кроме показа основных журналистских приемов, используемых тем и жанров, специфики информационной кампании, полноты освещения конфликта в статье отдельно анализируется восприятие газетной информации советским населением.

Первая реакция советской прессы на пограничное столкновение 2 марта 1969 г. была запоздалой и достаточно сдержанной. 3 марта газета «Известия» опубликовала заявление ТАСС «Провокация китайских властей на советско-китайской границе» и Ноту советского правительства правительству КНР, в которой кратко сообщалось о пограничном инциденте, высказывались протест против китайских действий на границе с СССР и требование наказать виновных [см.: Известия. 1969. 3 марта]. В «Правде» и других ежедневных газетах эти документы появились 4 марта. Примечательно, что информация была помещена не на передовице, а среди прочих международных сообщений и заметок, причем визуально многие статьи сильнее бросались в глаза читателям. Обе публикации были крайне скупы на точные данные. Если относительно китайского контингента была указана цифра «свыше 200 солдат», то о численности советских войск, принявших участие в бою, не было сказано ни слова. О пострадавших упомянули лаконично: «В результате этого бандитского налета имеются убитые и раненые советские пограничники» [Там же].

Из других публикаций по проблеме в центральной прессе можно выделить лишь небольшую заметку «Антисоветская истерия властей Пекина» об агрессивных демонстрациях возле советского посольства, а также статью в «Литературной газете» [см.: Правда. 1969. 6 марта; Совет. Россия. 1969. 6 марта; Труд. 1969. 5 марта; Лит. газ. 1969. 5 марта]. Данные публикации были выдержаны в привычном читателю духе, создавалось впечатление, что ничего экстраординарного в отношениях между СССР и КНР не произошло. Исследователи и свидетели событий на о. Даманском отмечают растерянность военного руководства и даже лидеров страны в ходе советско-китайских столкновений. Авторы приводят слова, сказанные Л. И. Брежневым в телефонном разговоре начальнику штаба Главного управления погранвойск КГБ СССР В. А. Матросову: «Матросов! Скажи! Это война?» [Сологуб]. Отсутствие четкого

плана, нежелание широкомасштабных боевых действий на границе с Китаем и углубления кризиса в социалистическом лагере выразилось в информационном вакууме, который существовал в первые дни после боев в прессе.

Только с 7 марта началась массовая пропагандистская кампания. Толчком стала пресс-конференция Министерства иностранных дел СССР, которая была показана по телевидению и опубликована в прессе. Из нее советские граждане узнали краткие подробности боя, количество погибших и раненых советских пограничников, факты зверств, чинимых китайскими военными над пленными и убитыми. После этого советские средства массовой информации стали активно распространять материалы о произошедшем конфликте. Если в феврале 1969 г. в «Правде» было напечатано всего 5 статей о КНР, то в марте – 78; в «Советской России» соответственно 4 и 66, в «Литературной газете» – 5 и 25. При этом публикации стали объемнее, расширился ассортимент журналистских жанров.

Пик газетных публикаций о вооруженном столкновении в «Правде», «Известиях» и других изданиях пришелся на 8–9 марта 1969 г. По времени это совпало с похоронами погибших в бою 2 марта. После этого они сократились до минимума. Новые пограничные бои 14–15 марта вызвали естественный рост информации в газетах. Можно было сделать вывод, что после инцидента 2 марта советское руководство посчитало, что Китай больше не будет проводить курс на эскалацию пограничного конфликта, поэтому информационное сопровождение было ограниченным. Однако оказалось, что КНР не собиралась останавливаться. Очередной кульминации поток информации о конфликте в прессе достиг 18–20 марта, что также соответствовало по времени погребению погибших пограничников. Затем газетный интерес к этой теме стал угасать, и в последних числах марта о конфликте на границе с КНР напоминали 1–3 статьи, в основном повторяющие предшествующие сведения. Отдельные номера изданий выходили без упоминания о пограничных событиях.

Формула информационного сопровождения советско-китайского пограничного конфликта была достаточно традиционной, отличалось лишь соотношение частоты использования тех или иных

элементов. Основу составляли отклики советских граждан и мировой прессы. Эти публикации дополнялись заметками из пограничных районов и очерками о героях боев. В небольшом количестве присутствовали информационные сообщения. Аналитические статьи по анализируемой проблеме являлись редкостью. Рассмотрим каждый газетный компонент в отдельности.

В прессе всех уровней ежедневно печаталась информация о многочисленных митингах и собраниях, а также письма отдельных советских граждан. Пресс-конференция МИД СССР «дала старт» масштабным митингам во всех городах и населенных пунктах СССР. Так, в Свердловске на 13 марта было проведено свыше 120 митингов, в Нижнем Тагиле – 299, Первоуральске – 83 и т. д. [ЦДООСО, ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС), оп. 73, д. 103, л. 109; д. 104. л. 1, 32]. Общим подзаголовком для публикаций отчетов с данных мероприятий выступала шаблонная фраза «Советский народ клеймит китайских провокаторов». Заголовки подобных статей выстраивались в один ряд («Не выйдет!/Голос моряков», «Слово дальневосточников/Выше бдительность!», «Наши границы неприкосновенны!/Слово рыбаков»).

Тексты выступлений на митингах и резолюций, принятых на трудовых собраниях, повторялись из номера в номер во всех изданиях. Трудящиеся единодушно выражали гневное возмущение действиями китайских провокаторов, всесторонне одобряли политику ЦК КПСС и советского правительства в сфере отношений с Китаем, призывали теснее сплотиться вокруг КПСС и своим трудом крепить мощь Родины. В текстах часто присутствовало указание на то, что Китай забыл про ту огромную помощь, которую оказал ему Советский Союз в годы Второй мировой и гражданской войн, становления коммунистического государства. Однако в речах обязательно подчеркивалось, что в пограничных столкновениях виновна «клика Мао», а не китайский народ в целом, с которым советское население связывают узы дружбы. Выступления на страницах газет были выдержаны в приподнято-боевом духе. Скорбь по погибшим и опасения за будущее заслонялись гордостью за советскую армию и уверенностью в мощи нашей страны: «Славные

советские пограничники в любой момент сумеют дать достойный отпор подобным провокациям!» [Известия. 1969. 7 марта].

Во то же время анализ отчетов с этих мероприятий показывает, что общественные настроения были не столь оптимистичными и однозначными. Во-первых, граждане СССР не понимали причину запоздалой реакции на пограничные события со стороны правительства и СМИ. В «Труде» 9 марта в небольшой заметке спецкоров с советско-китайской границы указывалось о происходивших 4, 5 и 6 марта антисоветских демонстрациях в КНР, посвященных пограничному конфликту [Труд. 1969. 9 марта]. Уральцы задавались вопросом: почему в Советском Союзе митинги трудящихся были организованы лишь спустя неделю после вооруженных столкновений [ЦДООСО, ф. 161, оп. 42, д. 25 а, л. 4]. Удивление вызывал факт промедления при ознакомлении коммунистов с информацией о столкновениях на советско-китайской границе [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 69]. Необходимо отметить, что на протяжении всей острой фазы советско-китайского конфликта СССР будет отставать от КНР в деле информационного сопровождения. Китай быстрее продемонстрировал мировой общественности доказательства советской агрессии, в том числе карты приграничных районов, где часть советской территории была показана как китайская и незаконно занятая советскими войсками. Советский Союз не предоставил своих карт мест столкновений, в связи с чем зарубежные СМИ и аналитические службы использовали только китайский вариант [China issues maps...].

Во-вторых, выступления советских граждан, в том числе вносимые предложения, лишь частично соответствовали тому, что публиковалось в газетах. Несомненно, в своих речах трудящиеся Свердловской области, как и других регионов Урала [см.: Общество и власть..., с. 304–305] и всей страны, опирались на давно усвоенные газетные клише. «Клеймить позором», «раскольничьи действия», «клика Мао», «авантюристская провокация» – эти фразы, почерпнутые из газет, составляли основу любого выступления. Однако в реальности в словах на митингах и собраниях было намного больше эмоций (ненависти, скорби и т. д.), чем это показывала пресса. Так, распространенными были выступления женщин,

в которых выражался страх за своих сыновей, которые служили в армии, нежелание новой войны, проклятья в адрес китайцев за зверства над ранеными и убитыми пограничниками и т. д. Сравнения действий китайцев на границе с деятельностью фашистов в годы Великой Отечественной войны звучали постоянно, а в газетах они появлялись лишь изредка и далеко не во всех изданиях.

Население в своих выступлениях выражало явное недовольство действиями властей в данном вооруженном конфликте и в целом политикой в отношении КНР. В 60 % отчетов с собраний, на которых обсуждалось письмо ЦК КПСС «О провокациях китайских властей на советско-китайской границе», были отражены критические высказывания. Можно с уверенностью сказать, что в реальности эта цифра была значительно больше. Каждый пятый вопрос из зафиксированных руководителями партийных ячеек в той или иной степени содержал критику в адрес партийного и военного руководства страны, что значительно превышало показатели других лет.

Уральцы достаточно критически оценивали получаемую из прессы информацию о боях на о. Даманском. Как удалось китайцам сосредоточить такие большие силы на острове незаметно для советских пограничников, почему советская сторона оказалась не готова к провокациям, почему наши пограничники не применили оружие сразу, почему дали возможность китайцам вынести своих убитых и раненых – подобные вопросы задавались на всех собраниях [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 10, 16, 22, 38, 90, 111, 118, 125; оп. 73, д. 104, л. 2, 62; ф. 161 (Свердловский городской комитет КПСС), оп. 42, д. 25 а, л. 7]. Естественными были вопросы: почему не выступили регулярные войска и не использовалась многочисленная техника, которой так гордилась вся страна. Правда, на последний вопрос ответ можно было получить, исходя из той характеристики, которую давали конфликту газеты – «вооруженная провокация», «бандитское нападение», «предательская вылазка», т. е. небольшой единичный инцидент, не требующий значительного количества человеческих и материальных затрат.

Газеты подчеркивали всестороннее одобрение трудящимися решительных действий советского правительства, а население задавалось вопросом: в чем решительность этих действий? Активно

выдвигались предложения по применению более радикальных мер: «прекратить либеральничать и дать понять, что наша граница может быть на замке»; «дать указание пограничникам, чтобы на всякую провокацию со стороны китайских бандитов отвечать огнем»; при необходимости предъявить китайскому правительству ультиматум и т. д. [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 9, 14, 22]. Люди старшего возраста выражали эту позицию фразой: «бить их надо, чтобы в наших людей не стреляли» [Там же, л. 106]. Фактически, население призывало руководство страны на деле доказать военную мощь СССР, его ведущее место в мировой политике. Большинство граждан считало необходимым жестко подавлять любые противоречия в социалистическом мире, в том числе и вооруженным способом. Среди надписей на избирательных бюллетенях в Верх-Исетском районе г. Свердловска 16 марта 1969 г. значилась и такая: «Что Вы возитесь с Китаем?» [ЦДООСО, ф. 1269 (Верх-Исетский районный комитет КПСС г. Свердловска), оп. 1, д. 768, л. 19]. В своих выступлениях докладчики доходили до весьма агрессивных выпадов: «Если бы не китайский народ, на группу Мао Цзэдуна стоило бы сбросить атомную бомбу, чтобы стереть этих негодяев с лица земли» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 106, л. 133].

В июне 1969 г. состоялось Совещание коммунистических и рабочих партий. На этом форуме остро стоял вопрос о единстве коммунистического движения в борьбе с империализмом. В частности, обсуждались разногласия в оценках ввода войск стран Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию, а также отношение к «раскольнической деятельности Мао Цзэдуна». Именно «китайская» тема привлекала внимание советских граждан при изучении материалов Совещания. Люди ожидали увидеть в них резкую критику деятельности китайского руководства и план совместного противодействия ей. Однако в основном документе данную проблему обошли стороной, что вызвало непонимание у населения [см.: Там же, д. 105, л. 8, 107].

Рассмотренные общественные настроения официально не находили своего отражения. Критические фразы, являясь важными сигналами с мест, помечались в отчетах на полях. Но уже на стадии информационных сводок в обком КПСС местные партийные

руководители старались сгладить негативный настрой населения: «Несмотря на резкие высказывания первоуральцы спокойны за защиту советских границ, зная, что она в надежных руках нашей доблестной армии» [Там же, д. 104, л. 1]. Озвученные на собраниях и митингах замечания и предложения населения почти не проникали в прессу. Газеты публиковали отредактированные материалы, в которых не было места пессимизму, критике и решительным требованиям в адрес правительства.

Другим информационным компонентом при освещении пограничного конфликта являлись обзоры зарубежной прессы, выступлений представителей различных государств с осуждением китайской агрессии (по 3–4 страны в одном обзоре). Среди развивающихся стран выделялись Чили, Мексика, Ливан, Индия. Широко были представлены государства капиталистического блока. В марте 1969 г. в «Правде» 7 раз была напечатана информация из Франции относительно советско-китайского конфликта, 6 раз из США, 5 раз из Финляндии. В «Труде», кроме перечисленных стран, фигурировали отклики из Австрии, Бельгии, Швеции, Великобритании и др. Значительное число зарубежных откликов с разнообразной географией публиковалось в региональной печати.

Основную массу подобных сообщений, естественно, составляли отклики компартий капиталистических и развивающихся стран, но были представлены и «некоммунистические» источники информации. В большом объеме показывая мнение Запада, советская пресса расширяла поддержку позиции СССР. В прессе подчеркивалось, что «даже издания, далекие от симпатии к Советскому Союзу, отмечают преднамеренный характер китайских провокаций». «Известия», к примеру, ссылались на «Обсервер» который писал, что пограничный инцидент, «безусловно, не был вызван русскими», «русские всегда старались избегать провокаций со стороны хунвейбинов» [Известия. 1969. 10 марта]. Однако необходимо отметить, что в обзорах «буржуазных» СМИ был отчетливо виден серьезный отбор публикуемого материала. К примеру, говоря о статье в «Нью Йорк дейли ньюз», журналисты указывали на большое внимание американской печати к Заявлению советского правительства правительству КНР [см.: Урал. рабочий. 1969. 18 марта], однако

никаких оценок американским изданием данного документа и советско-китайского конфликта в целом советскому читателю не показывалось.

Остановимся на отражении в прессе позиции социалистических стран. Самое большое количество сообщений о поддержке СССР и осуждении КНР поступало из Германской Демократической Республики (ГДР), Польши, Монголии и Болгарии. Восточно-германская пресса и лидеры ГДР – В. Ульбрихт и Э. Хонеккер – постоянно подчеркивали связь Пекина и Бонна, их совместные антисоветские усилия. Поскольку реваншизм Западной Германии был одной из ведущих тем при освещении событий в ГДР, то конфликт с Китаем стал для ГДР также актуальной проблемой. В случае с Монголией, кроме выражения солидарности с советским народом и стандартных обличительных фраз в адрес «группы Мао», газеты фиксировали и агрессивное отношение Китая к самой Монголии, выражающееся в инцидентах на границе этих стран.

Значительно меньше информации по советско-китайской проблеме поступало с Кубы, из Венгрии (в «Труде» и «Советской России» она не была представлена совсем). Крайне слабо показывалась точка зрения чехословацкой общественности и печати, при том что население не могло не интересоваться позицией социалистического государства, на территорию которого полгода назад были введены войска стран ОВД для предотвращения контрреволюции. Люди размышляли о возможности повторения чехословацких событий в Китае [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 104, л. 58].

В «Правде» за месяц после первого боя на о. Даманском было напечатано всего две информационные заметки о поддержке со стороны Чехословацкой Социалистической Республики (ЧССР) советской политики, в «Труде» – одна, в «Советской России» ни одной. В «Литературной газете» 12 марта была помещена заметка «Куда идет “Млада фронта”?». В статье говорилось о публикации в указанном пражском издании не только советской точки зрения случившегося на о. Даманском, но и китайской. Возмущение редакции «Литературной газеты» вызвал тот факт, что две точки зрения подавались как равноценные, а читатель мог «выбирать то, что ему больше нравится» [Лит. газ. 1969. 12 марта]. Чешские журналисты

указывали, что советская сторона размещает на границе с Китаем вооружение, а китайская сторона планирует высадить вдоль границы деревья. «Вот-де и все военные приготовления Китая!» – восклицало советское издание. Таким образом, аудитория «Литературной газеты» не только узнавала альтернативные позиции относительно пограничного конфликта СССР с КНР, но и фиксировала существование оппозиционных настроений в чехословацком обществе, в частности, в среде интеллигенции, отсутствие полной поддержки политики Москвы.

Советских граждан особо интересовала позиция социалистических стран, с которыми у СССР к тому времени были весьма сложные отношения – Румынии и Югославии. Пресса же напрямую не демонстрировала мнение румынского и югославского руководства, что порождало естественные вопросы [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 29, 37]. Однако определенную информацию относительно линии Югославии в отношениях с КНР можно было получить из советской печати. 20 марта 1969 г. в «Правде» напечатана информационная заметка, содержание которой было равнозначно объемной статье. В разгар советско-китайского конфликта издание информировало о подписании «нового югославо-китайского соглашения о торговле и платежах» [Правда. 1969. 20 марта]. В «Литературной газете» это событие было отражено в перепечатанной из иностранной прессы заметке, т. е. издание отстранилось от собственных комментариев [Лит. газ. 1969. 19 марта]. Несмотря на сухую констатацию факта, вывод читателей мог быть очевиден. Отсутствие сведений о поддержке СССР со стороны Югославии в ходе советско-китайского конфликта и даже сотрудничество последней с Пекином в этих условиях явно указывали на наличие противоречий между Югославией и СССР. Через месяц после первого вооруженного конфликта на р. Уссури в «Литературной газете» была напечатана заметка Б. Светова «Метаморфоза белградской “Политики”», в которой прямо говорилось о переходе югославской печати от критики «культурной революции» в Китае к ее восхвалению [см.: Там же. 2 апр.], что лишь укрепляло мысль о недружественной Москве позиции Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) в советско-китайском конфликте.

Одной из составляющих информационного освещения являлись заметки соборов изданий с приграничных районов. Привычными для читателей стали заметки и репортажи С. Костерина и В. Аникеева в «Советской России»; Ю. Голубцова и Ю. Дмитриева в «Труде»; П. Демидова, А. Пушкаря, Ю. Скуратова в «Известиях» и т. д. Распространены были статьи о небольших молодых дальневосточных городках. Рассказывая о будничной, мирной, созидательной жизни приграничных территорий, газеты показывали, что здесь все спокойно, все под контролем, а случившиеся вооруженные столкновения и гибель советских военнослужащих — лишь единичная вылазка китайских провокаторов, не изменившая общей позитивной тенденции жизни в регионе.

Во второй половине марта, когда количество информационных сообщений стало минимальным, в печати появились публицистические статьи советских военных писателей (А. Ананьева, Б. Полевого и др.), в которых проводились прямые параллели с событиями Великой Отечественной войны. Целью данных материалов было поднятие патриотизма, заверение населения в полной боевой готовности армии к отражению вражеского удара. Как и в период ввода войск в Чехословакию, в «Правде» печатались репортажи С. Борзенко, которые отражали военный дух событий на о. Даманском. Его статьи иллюстрировались фотографиями с боевых позиций. Однако они были очень тщательно подобраны: эмоционально спокойные, мало отличавшиеся от фотографий с боевых учений, дающие крайне скудную информацию о ходе боев.

В целом героическая тема в прессе стала развиваться сразу после начала пропагандистской кампании вокруг пограничных столкновений. Наибольшего масштаба она достигла после повторения вооруженного столкновения 14–15 марта. Выходили целые серии статей об участниках боев, о службе пограничников на Дальнем Востоке. Существовали такие специальные рубрики, как «Герои и подвиги» («Труд»), «На родине героя», «Там, где сражались пограничники», «Герои боев на Уссури» («Советская Россия»), в которых печатались очерки о героически проявивших себя пограничниках. Особенно активно героическую тему развивала «Красная звезда». Вся страна знала в лицо И. Стрельникова, Д. Леонова,

В. Бубенина, Ю. Бабанского, ставших Героями Советского Союза, а также их товарищей по службе. В очерках использовались воспоминания сослуживцев, родных, друзей. Жизнь этих военнослужащих показывалась как постоянное служение Родине и советскому народу, без оглядки на личную выгоду. Никто не задавался вопросом, почему погибли пограничники, главное – они погибли героями, защищая неприкосновенность границ своей страны. Раз за разом в изданиях повторялись описания подвигов военнослужащих во время боя с китайскими военными. Эмоциональный уровень очерков отличался, однако новых подробностей боев не сообщалось.

Информационные сообщения из страны-оппонента были нерегулярными. Население могло судить о внутривнутриполитическом и экономическом состоянии Китая лишь по редким публикациям, многие из которых стали пересказом статей иностранной печати. Непосредственный опыт поездок в Китай (в качестве военных или технических специалистов) у жителей области был ограниченным. В своих выступлениях на собраниях, касаясь внутреннего положения в Китае, советские граждане полностью повторяли газетные данные. Это касалось указаний на плачевное состояние китайской экономики, расцвет культа личности Мао Цзэдуна, утверждений, что провокации на границе с СССР проводятся для развития «небывалого шовинистического угара» с целью давления на грядущий съезд Коммунистической партии Китая (КПК), на котором Мао Цзэдун собирался «закрепить измену социализму и прикрыть свое заигрывание с империализмом» [Правда. 1969. 20 марта]. При этом население в своих вопросах проявляло большой интерес к современному развитию Китая, желая лучше знать своего противника [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 10, 17, 37, 38, 111; оп. 73, д. 104, л. 12; ф. 161, оп. 42, д. 25 а, л. 7].

В прессе отдельно не обсуждалась реакция китайского населения на пограничные бои. В то же время постоянно подчеркивался разрыв между руководством страны и ее населением – в текстах фигурировали «пекинские власти», «пекинская клика», «группировка Мао». В газетах встречался сюжет о выступлениях в Китае против политики Мао Цзэдуна [см.: Красная звезда. 1969. 18 марта]. Из этого логически вытекало, что значительная доля китайцев

не поддерживала политику своих лидеров. Данный газетный постулат стал определенным клише в выступлениях трудящихся. На собраниях докладчики говорили, что деятельность Мао Цзэдуна и его окружения не отражает чаяний простого народа страны, делая акцент на незнании населением Китая реальной ситуации на границе и позиции СССР. Однако, по сути, информацией о соотношении политических сил в Китае, о позиции рядовых китайцев советские граждане практически не владели, что выражалось в регулярных вопросах по этой проблеме [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 17, 22, 37, 111; оп. 73, д. 104, л. 11; ф. 161, оп. 42, д. 25 а, л. 7].

При освещении советско-китайского конфликта минимальным было количество официальных сообщений. Если после ввода войск в Чехословакию в августе 1968 г. сводки ТАСС публиковались ежедневно, то в случае с пограничными столкновениями 1969 г. подобные материалы были единичными. Пресса публиковала официальные документы, но за весь март их было только 3: нота и 2 заявления советского правительства. «Правда» лишь после повторения вооруженных столкновений на о. Даманском 14–15 марта опубликовала передовую статью, посвященную советско-китайской проблеме, «Границы СССР священны и неприкосновенны» [Правда. 1969. 17 марта]. Сведений о каких-либо действиях советских политических и военных руководителей (встречах, поездках, проверках и т. д.) в газетах не содержалось. Следствием этого стало непонимание советскими гражданами, что конкретно делается для выяснения подробностей пограничных боев, наказания виновных, предотвращения подобных столкновений в будущем и т. д. Отсутствие информации порождало множество вопросов, суть которых сводилась к следующему: почему советско-китайская граница оказалась плохо укреплена, какие конкретные меры предприняты для ее укрепления и каковы планы советского правительства в случае повторения подобных ситуаций на границе [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 11, 18, 26, 29, 53, 111, 125; оп. 73, д. 104, л. 2, 10, 62; ф. 161, оп. 42, д. 25 а, л. 7]. Эта волнующая тема поднималась на всех собраниях в Свердловской области. Люди чувствовали противоречия между пропагандистскими материалами, утверждающими, что советская граница надежно защищена и никакой опасности

для населения не существует, и реалиями жизни (гибель нескольких десятков пограничников и полная неготовность к подобным провокациям).

В «Правде» за весь март не появилось ни одной аналитической публикации, полностью посвященной советско-китайским отношениям. Лишь изредка тема антисоветской политики КНР поднималась в рубрике «Международное обозрение». В других ведущих ежедневных центральных изданиях («Известия», «Труд», «Советская Россия») в марте было опубликовано 2–3 подобных статьи. В свердловских газетах («Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск» и др.) изредка появлялись статьи политических обозревателей Агентства печати «Новости» (АПН) о политике Пекина. Особенностью этих публикаций было то, что в них постоянно проводилась мысль о связи политики Мао Цзэдуна и империалистических стран Запада.

Советская печать в ходе конфликта использовала традиционную тему внешнего врага. Действия китайского руководства встраивались в привычную схему международных отношений, где главными врагами СССР был не Китай, а капиталистические государства. В статьях «Кто аплодирует Пекину?», «Кому это выгодно?», «Только ли совпадения?», «Где Пекин ищет вдохновения?» имелись четкие указания на связь китайской антисоветской политики с деятельностью США и особенно ФРГ [Правда. 1969. 14, 18 марта; Совет. Россия. 1969. 14 марта; Урал. рабочий. 1969. 9 марта]. Западная Германия в этот период выступала главным врагом СССР, социалистической системы и миролюбивых сил в целом. Капиталистические страны, судя по публикациям, фактически подталкивали КНР к усилению напряженности в отношениях с СССР. Свои выводы журналисты подкрепляли заявлениями лидеров братских стран, неправящих коммунистических партий, западной прессы. В газетах приводились примеры высказываний западных буржуазно-настроенных изданий, в которых сквозило «удовлетворение действиями китайских властей», их антисоветским курсом, предсказывались большие перспективы развития американо-китайских отношений, отношений КНР с Тайванем [см.: Правда. 1969. 15 марта; Урал. рабочий. 1969. 23 марта].

Бои на о. Даманском совпали с выборами президента ФРГ, которые западногерманские власти провели и в Западном Берлине. Данная акция рассматривалась советской печатью не иначе как грубая провокация, нарушающая принципы существования Западного Берлина. Население хотело знать, нет ли связи между этими событиями [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 11, 29; д. 104, л. 11], и в этом случае пресса давала развернутые ответы читателям. В статьях постоянно подчеркивалось, что это совпадение – далеко не случайно. Таким образом, срабатывала «теория всеобщего заговора», по логике которой Китай влился в лагерь империалистов и стремился разрушить всю систему социализма.

Советские граждане, давно усвоив идею враждебного окружения социалистического блока, еще до появления газетных публикаций говорили о связи действий Пекина с действиями капиталистических государств, в частности ФРГ. На собраниях постоянно звучали фразы о том, что «действия клики Мао играют на руку империалистам США и ФРГ, и они могут извлечь из этого свои корыстные выводы» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 14]. Сообщения печати падали на благодатную почву, подтверждая подозрения населения. Данный факт являлся аксиомой и не вызывал большого количества вопросов. В связи с пограничными столкновениями возросло стремление населения закрыться от внешнего мира, «держатъ границу на замке», в частности, предлагалось сократить прием иностранных туристов [см.: Там же, л. 76].

Таким образом, все мартовские вооруженные конфликты на советско-китайской границе в публикациях газет сводились к следующему сюжету: китайское руководство, проводящее антисоветскую политику, совершило авантюрную вылазку на советскую территорию, чем проверило наши рубежи на прочность. Советские пограничники дали уверенный отпор врагу, показав, что всегда готовы встать на защиту Родины. Причиной конфликта в прессе четко определялась агрессия со стороны КНР. Данная позиция была настолько ясна и понятна, что не требовала больших сил для убеждения советских граждан.

Журналисты, следуя в русле действий руководства страны, старались в своих материалах не перейти из плоскости идеологического

антагонизма СССР и «клики Мао Цзэдуна» в плоскость военного противостояния двух социалистических государств, за которым легко усматривалась возможность открытой войны. Возмущение действиями КНР на советско-китайской границе выражало в газетах не советское партийное руководство, а «широкая советская общественность» в лице трудящихся различных регионов страны, иностранная общественность, представители зарубежных коммунистических и социалистических партий.

Но несмотря на попытку сгладить остроту конфликта в печати, население критически оценивало сложившуюся ситуацию. Газетные фразы о «провокациях китайских властей» и их долгое игнорирование советскими пограничниками вызывали в памяти сюжеты почти 30-летней давности: «Не повторится ли 1941 год, когда мы тоже боялись ответными действиями на провокации на нашей границе вызвать новые провокации и оказались неподготовленными по-настоящему к обороне западной границы [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 104, л. 34]. Население опасалось наихудшего развития событий. В марте 1969 г. на собраниях фиксировался самый высокий уровень вопросов (по сравнению с другими периодами), связанных с возможной войной с Китаем [см.: Там же, д. 103, л. 29, 31, 53, 75, 111, 125; д. 104, л. 10, 60].

Опасения по поводу вероятной войны в разных формах (вопросы, выступления, отдельные реплики) высказывались на половине собраний. Уже летом 1969 г. количество вопросов о вероятности войны было значительно меньше, причем носили они косвенный характер. Страх войны весной 1969 г. преследовал жителей не только Свердловской области, но и других регионов страны [см.: Черныашкий, с. 152–153].

Подобное информационное освещение конфликта – сдержанность в критике КНР и постоянный намек на желание урегулировать проблемные ситуации как можно быстрее – обнажало основные опасения советского руководства в отношениях с Китаем. Во-первых, боязнь перерастания пограничного конфликта в масштабные военные действия, в которые могут быть втянуты, и не всегда на стороне СССР, многие другие страны мира. Во-вторых, еще были совсем свежи воспоминания о вводе войск ОВД в Чехословакию

в 1968 г., что воспринималось на Западе как военное вторжение СССР на территорию «ослушавшегося» союзника. США и их партнеры активно обсуждали так называемую доктрину Брежнева, и разворачивание боевых действий на советско-китайской границе могло дать новую пищу для размышлений, вызвать очередную волну обвинений в гегемонистской политике Кремля. В этих условиях советская пресса показывала данный вооруженный конфликт исключительно как провокацию китайских властей и активно подчеркивала стремление Советского Союза к нормализации отношений.

Стремясь сохранить статус-кво в отношениях с Китаем, Москва избегала официальных оценок действий китайских руководителей. Основу информационного освещения конфликта составляли материалы о собраниях и митингах граждан, коллективные и индивидуальные письма в газеты, отклики зарубежной печати, т. е. взгляд со стороны. Важная роль отводилась героической теме. Подробности столкновений не тиражировались в прессе. При огромном внимании советской печати к различным локальным конфликтам современности вооруженный конфликт собственно СССР остался за дымовой завесой фраз об «авантюризме и бандитских провокациях Пекина» и «героизме и стойкости советских военнослужащих».

Общество и власть. Российская провинция, 1946–1985. Т. 2: Документы и материалы. Челябинск, 2006.

Сологуб Ю. В. Политый кровью остров Даманский // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/history/2008-08-08/14_border.html?insidedoc (дата обращения: 12.03.2013).

Чернявский А. В. Советско-китайский пограничный конфликт 1969 г. в общественном мнении граждан СССР // Вестн. МГОУ. 2012. № 4. С. 150–155 (Сер. История и политические науки).

China issues maps of disputed Ussuri area 18.03.1969 // Radio Free Europe research [Электронный ресурс]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/12-1-56> (дата обращения: 30.08.2013).